

назваць ілгуном. Дзяўчына нават не паспрабавала пагаварыць з ім, абразіўшы сваім недаверам. Ці вартыя такія адносіны працягу? Максімаліст і рамантык Берасневіч дае дакладны адказ: не; кідае ўсё і з'язджае настаўнічаць у вёску. Тым не менш, пісьменнік не пазбаўляе герояў магчымасці вярнуць каханне.

Маладыя людзі зноў сустракаюцца праз некалькі год. Берасневіч завочна скончыў універсітэт, працуе ў школе, робіць шмат для вёскі, але ці шчаслівы ён? На гэтае пытанне ён сам адказвае пры выпадковай сустрэчы з Алёнкай, якая прыехала з выступленнем у тыя мясціны. Яе спевы ўзрушылі Уладзіслава, абудзілі “горкае, светлае, напаяўзабытае”: “Любая! Любая! Вечна каханая! Цёплы агеньчык! Іскра ўначы! Кліча, кліча твой голас. Я іду, іду. Я ніколі не дайду да цябе, я чужы табе і невядомы, я ніколі не кіну і слова, ты нават не пазнаеш, што я тут. Але я іду” [3, с. 107]. Настаўнік, захутаўшыся ў кажух, падмяняе возчыка, каб даставіць некалі самага дарагога чалавека на станцыю. Алёнка пазнае каханага, гаворыць пра сваю памылку. Таксама рамантычная і бескампрамісная натура, яна не без дапамогі Маркіча палічыла, што Уладзіслаў “здрадзіў праўдзе”. “Як я магла я, простая дзяўчына, ведаць, што праўда, калі яна з нячыстага рота, калі яе прыстасаваў да кішэні нягоднік, гэта не зусім сапраўдная, папсаваная праўда, што ў такіх выпадках праўду трэба ратаваць” [3, с. 114]. Пісьменнік пакідае фінал аповесці адкрытым: закаханыя прызнаюцца ў пачуццях, Берасневіч адпраўляе Алёну ў горад, але яны дамаўляюцца сустрэцца праз два тыдні і тады адказаць на пытанне, вераць яны адзін аднаму ці не.

У. Караткевіч дае сваім героям шанс на шчаслівы фінал любоўнай гісторыі, чаго не адбылося ў сапраўднасці: студэнцкая закаханасць пісьменніка не атрымала працягу. Недасказанасць дазваляе чытачу паверыць у тое, што на гэты раз адносіны Уладзіслава і Алёнкі пройдуць выпрабаванне – не толькі даверам, але і часам.

Бібліяграфічны спіс

1. Караткевіч, У. У снягах драмае вясна : аповесць : для ст. шк. узросту / У. Караткевіч. – Мінск : Юнацтва, 1989. – 172 с.

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКАЯ КАРТИНА ТЕРМИНОСИСТЕМЫ МЕТОДИКИ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕТАФОРИЧЕСКИХ СТРУКТУР)

О. Г. Дедович (Минск, Беларусь)

Фокус данного исследования направлен на выявление индивидуально-авторских метафор в области методического терминоведения. Выбор вторичных номинаций, в частности семантических окказионализмов, в качестве объекта исследования не случаен. Метафора выступает «пусковым механизмом» для генерирования мысли в сторону неузуального употребления слова, что позволяет расписать авторскую картину мира глубинными оттенками смыслов, в той или иной степени продемонстрировать индивидуальность почерка. Источником иллюстративного материала послужили избранные труды педагога и учёного-аналитика Е. И. Пассова.

Отличительной чертой пассовского дискурса является «поразительное умение облечь добытое знание в контрастно-стилевую одежду, отточенность научного стиля изложения с вкраплениями метких национальных оборотов-метафор» [1, с. 317]. В связи с той важной ролью, которую для становления методической науки играет лексикография («Методический словарь – это Мир Методики, мир, в котором мы живём и работаем» [2, с. 23]), денотаты термин

и терминосистема получают новое семантическое наполнение за счёт развития вторичных лексико-семантических вариантов (ЛСВ). Учёный экстраполирует понятия из медицинской, артефактной, гастрономической, природной, военной, экономической, художественной сферы, используя метафоры в качестве «строительного материала» для создания многоплановых образов.

Пассовым было дано интересное описание генезиса слова термин (от лат. *ter* ‘перешагивать, достигать цели, по ту сторону’). В древнеримской мифологии *Terminus* считался божеством границ. Первоначальное право на земельную собственность обеспечивалось религией, а не законом, поэтому люди ставили по границам участков символы священной неприкосновенности: камни, валуны, чурбаки, столбы (*termes*). Водружённый на земле Терм олицетворял, таким образом, малую домашнюю религию (с жертвоприношениями и другими обрядами), а затем, при содействии поэзии, становится отдельным могущественным богом. С течением времени Термин (бог) из стража порога превращается в охранителя границы культуры, используется в философских науках для разделения природы одной вещи от другой и постепенно *terminus* принимает знакомый нам облик: слово или словосочетание для точного обозначения понятия и его соотношений с другими понятиями (в пределах одной сферы деятельности) [2, с. 23–24].

В качестве источника мотивации для описания индивидуально-авторской картины терминосистемы методики иноязычного образования выступают медицинские метафоры. Между исходным и производным ЛСВ наблюдаются четкие смысловые взаимоотношения, в которых фиксируются маркеры ухудшения здоровья, развитие пагубных для организма последствий, что приводит к нарушению нормального функционирования и жизнедеятельности в целом: *Вполне очевидно, что терминосистема в организме методики недоразвита и больна. Её болезнь можно назвать терминосклерозом* [1, с. 14]; *Терминосистема – это кровеносная система науки. Её засорение опасно. К сожалению, кровеносная система методики усыпана «бляшками», которые, как известно, превращаются в тромбы* [3, с. 518]. Экзистенциальный маркер (мортальный процесс) выявляется в полисеманте **выкидыш** ‘рождение нежизнеспособного плода’ → **терминологический выкидыш**.

Семантически родственной с предыдущей в русле деструктивной направленности является группа военных метафор. Е. И. Пассов прибегает к приёму нанизывания метафорических образов. Это порождает цепочечные номинации, которые «делают текст резкого отрицательного содержания довольно слитным, неразрывным и эмоционально насыщенным» [4, с. 165]: *Картина терминосистемы напоминает пейзаж после бомбёжки: разрушенное содержание терминов, глубокие ямы логики, тёмная гарь смысла* [5, с. 165].

Прозрачные смысловые связи прямого и переносного значений легко укладываются в гастрономическую модель семантической деривации: *Перестав серьёзно заниматься теорией методики (после золотого её века – 60–80-х гг. XX в.) и оказавшись на юру под западными ветрами прагматики, некоторые методисты проявили в использовании терминов наивное обезьянничанье, а отдельные из них стали поставлять к нашему терминологическому застолью такие блюда, которые явно навредили научному здоровью российской методики* [3, с. 509]; *Пока понятийный аппарат выглядит как эклетическое мессиво, составленное из традиционной (в смысле – устаревшей) терминологии, бездумных терминологических заимствований (англицизмов), терминоидов и квазитерминов, субъективных порождений и вкраплений профессионального жаргона* [3, с. 507]; *Смешение терминов (термины-коктейли) мне не по вкусу* [5, с. 31].

В целевую область терминосистемы часть своей семантики экстраполируют природные номинации. Темпоральный маркер исходного значения субстантива распутица ‘время года, когда по дорогам трудно или невозможно проехать из-за грязи; бездорожье’ во вторичной номинации трансформируется в показатель ментальной направленности → **терминологическая распутица** ‘некорректность в толковании терминов’, причина тому – терминологиче-

ская беспечность и дилетантизм («Мода такая пошла – придумывать свои термины, главное, чтобы не сразу понятно было, тогда и выглядит по-научному, солиднее» [5, с. 37]). Квалитативный показатель не столько скорости, сколько силы разрушительного воздействия актуализируется в переносном значении космонима *метеорит* ‘тело космического происхождения, быстродвигающееся в земной атмосфере’ → исконная методика изранена и изуродована всяческими **иностранными терминами-метеоритами**. Для описания острой проблемы загрязнения экологии методической речи Е. И. Пассов прибегает к фитономическим метафорам: *Беда не столько в том, что жаргонизмы используются, сколько в том, что с ними не борются. Но ведь это же сорняк, а если огород постоянно не пропалывать, сорняк забьёт любую культуру* [2, с. 85]; *Термины-гибриды, может быть, и возможны в качестве рабочих, но не могут быть признаны с чисто терминологических позиций. К сожалению, подобных «терминов» расплодилось множество* [1, с. 127].

Антропоморфические номинации включают в себя несколько направлений смысловых модификаций. Квантитативный показатель множественности, беспорядочного движения, хаотичности реализуется в субстантиве столпотворение ‘сутолока, суматоха, неразбериха’ → *Сейчас в этом мире стало труднее работать, поскольку на многих деятелей сферы иноязычного образования перешло вавилонское проклятие: каждый стремится выработать собственный язык, независимый от общеупотребительного. Так, конечно, можно выделить себя и удовлетворить своё тщеславие, но нельзя способствовать развитию науки: терминологическое столпотворение не то условие, которое необходимо для создания науки* *Методики* [2, с. 23]. Экспрессивно-оценочная характеристика человека репрезентируется в метафоре **терминологический урод**. Встречаются вторичные номинации социального статуса человека, актуализирующие как мелиоративные (положительные) семы, так и негативные коннотации: элита ‘лучшие представители общества’ → **терминологическая элита**, изгой ‘человек, стоящий вне какой-либо среды, общества, отвергнутый ими; отверженный’ → **термины-изгой** ‘исключение терминов из ядра терминосистемы’.

Ассоциативно-образный пейоративный вектор развития вторичной номинации продолжает проекция в сферу искусства: *натюрморт* ‘картина с изображением так называемой мёртвой натуры’ → **терминологический натюрморт** *ещё долго будет оставаться в буквальном смысле nature morte – «мёртвой натурой», пока в методике как в науке не появится своя отрасль – методическая лексикография или методическое терминоведение, которое займётся проблемой на методологическом уровне* [3, с. 507].

Артефактная метафорическая модель направляет «перо» автора то в положительное, то в отрицательное русло: *Какой увидит будущий учитель науку методика в зеркале терминологии, зависит от точности или кривизны этого зеркала; Точная терминология – это точный инструмент для работы. А чем точнее инструмент, тем точнее технология, тем качественнее продукт; терминология – инструмент познания, от него зависит точность, глубина и корректность обоснованных выводов* [5, с. 28]; *Любовь к иностранным побрякушкам, простите, терминам* [5, с. 84].

Фрагмент торгово-экономических отношений представлен субстантивом *импорт* ‘ввоз в страну товаров из-за границы’ и сопровождается негативной коннотацией, которая конкретизируется ментальными маркерами ‘бездумное использование зарубежных терминов’, ‘неразбериха, путаница’ → *Этот терминологический импорт напоминает мне ландшафт после землетрясения* [5, с. 130–131].

Таким образом, можно отметить, что магистральными линиями развития семантических окказионализмов являются военная, медицинская, природная, гастрономическая области, сфера экономики и искусства, проекция на мир человека, что отражает широкий диапазон экстралингвистической реальности, синтез явлений и процессов в авторском преломлении. Индивидуально-авторская картина терминосистемы методики иноязычного образования Е. И. Пассова чаще всего пейоративно окрашена, характеризуется различными деструктивно

акциональными маркерами (болезнь, смерть, разрушение, загрязнение). Структурная организация окказионализмов представлена, в основном, синсемантическими (от греч. *syn.* – вместе, *semantikos* – обозначающий) конструкциями: атрибутивными (сочетание существительного и прилагательного) и генитивными (конструкции с родительным падежом) бинармами, что позволяет создать минимальный контекст для расшифровки неконвенционального метафорического образа.

Библиографический список

1. Пассов, Е. И. Аналитика как условие развития методической науки. – Кн. 4. – Елец : МУП «Типография» г. Ельца, 2015. – 495 с.
2. Пассов, Е.И. Терминосистема методики, или как мы говорим и пишем / Е. И. Пассов. – Санкт-Петербург : Златоуст, 2015. – 177 с.
3. Пассов, Е. И. Методика как теория и технология иноязычного образования. – Кн. 1. – Елец : ЕГУ им. И. А. Бунина, 2010. – 543 с.
4. Старычонок, В. Д. Мнагазначнасць слова ў беларускай мове. У 3-х кн. Кн. 3. Другасныя намінацыі ў мастацкім дыскурсе / В. Д. Старычонок. – Мінск : Колорград, 2017. – 301 с.
5. Пассов, Е. И. Терминосистема методики как теории и технологии иноязычного образования. – Кн. 9. Серия «Методика как наука». – Елец : ООО «Типография», 2016. – 735 с.

НАЗВАНИЯ ДОКУМЕНТОВ В СОБОРНОМ УЛОЖЕНИИ 1649 Г. И СТАТУТЕ ВКЛ 1588 Г.

А. А. Дерунова (Минск, Беларусь)

Известно, что Московская Русь и Великое княжество Литовское были мощными государствами с развитыми правовыми системами, на основе которых регулировались социально-экономические отношения, политический строй, судоустройство и судопроизводство. Основу правовой системы государств занимали кодексы права «Статут Великого княжества Литовского 1588 года» и «Соборное Уложение 1649 года». Эти кодексы дают богатый материал для лингвистических исследований. Каждый из названных памятников системно изучен лингвистами. Представляется перспективным проводить сравнительный анализ двух письменных памятников права в области лексикологии, фразеологии, грамматики и т. д. для установления отличительных черт делового старобелорусского и старорусского языков.

Известно, что «Соборное Уложение 1649 года» было создано на основе многочисленных источников: судебники, указные книги приказов, думские приговоры, решения Земских соборов, «Стоглав», византийское законодательство. Особое место среди источников занимает так называемое литовское право, а конкретнее – «Статут Великого княжества Литовского 1588 года». Интересно проследить, какие названия документов зафиксировали эти кодексы, насколько оригинальными являются названия документов в этих сводах законов.

Названия документов были извлечены нами из предметных и терминологических указателей изданий Статута ВКЛ 1588 г. [4, с. 564–569] и Соборного Уложения 1649 г. [3, В 6, с. 469–501].

Следует отметить, что в данный период (XVI–XVII вв.) не существовало рекомендаций о том, как следует называть документ, поэтому исследователи вынуждены говорить о существовании самоназваний [2, с. 71], когда документ именовался в самом тексте по ключевому слову. То, что названия документов встречаются в текстах Уложения 1649 г. или Статута 1588 г., говорит о том, что к этому времени уже произошло закрепление названия за определенным жанром документа и о его употреблении в юридической практике.